

Дела сейные

Эдуард Бернгардт: Вера Михайловна, Вы ведь носите фамилию Раушенбах?

Вера Михайловна Раушенбах: Да, и за это я имела массу "удовольствий". Если бы я не была Раушенбах, было бы проще жить.

В университете на факультете, где я училась, получали повышенные стипендии за хорошую успеваемость, как на грех, студенты с фамилиями Мец, Штекли, Левинсон, Раушенбах, Мерперт и так далее. Кроме евреев, там затесались я и Штекли – немец, которого потом посадили. Так что это всегда было чревато всякими неприятностями. Ну и, естественно, на работе, чуть что: "Как, немецкая фамилия?!" Каждый раз объясняй. В общем, веселого было мало.

Я, конечно, жалела, что мы такую фамилию выбрали. Это мама Бориса Викторовича виновата. Когда мы пришли в ЗАГС, я хотела свою фамилию оставить. Независимо ни от чего, просто считала, что у меня достаточно хорошая фамилия. Но его мама сказала: "Ну как это может быть, чтобы у мужа и жены были разные фамилии?" Мне неудобно было спорить со своей свекровью – вот так и получилось, что у меня эта фамилия.

Борис Викторович Раушенбах: Ну и я тебе то же самое говорил: "Ты должна со мной считаться!" – как-то так.

Вера Михайловна (смеясь): А с кем мне еще, как не с тобой, считаться?! Ты-то ладно, а вот со свекровью действительно надо было считаться.

Бернгардт: Она приезжала из Питера на свадьбу?

Борис Викторович: На нашу свадьбу приехали обе мамы: одна – с Украины, другая – из Питера.

Вера Михайловна: У меня отца не было, и у него отец умер. Так что только наши мамы и были на свадьбе.

Бернгардт: А как вы вообще познакомились?

Борис Викторович: Мне ее привезли.

Вера Михайловна: Это была очень интересная история. Я воспитывалась у дяди – Якова Павловича Иванченко, брата моего отца. Он занимал очень крупный пост, какое-то время возглавлял всю трубную промышленность Советского Союза и жил в Харькове. Там я окончила 10 классов, но учиться меня послали в Москву. А у дяди, так как он занимал высокий пост, была квартира и в Москве. Небольшая трехкомнатная квартира в самом центре, на Петровке.

Надо сказать, что все старые большевики были великими филантропами, каждый считал своим долгом всем помогать. Дядя, например, воспитывал не только меня и мою двоюродную сестру, но и совершенно постороннюю девочку, потому что у ее матери не было мужа. Моя тетка, которую немцы потом расстреляли в Харькове, тоже воспитывала какую-то девочку. Эта девочка училась в Москве, и одну комнату в квартире дяди занимала она.

А квартира была расположена так – одна изолированная комната и две смежные. В этих смежных комнатах жила я. Но когда после смерти Орджоникидзе дядя с отчетом приехал в Москву, в Наркомат тяжелой промышленности, который после Орджоникидзе возглавил Межлаук (он потом был расстрелян), то дядю арестовали прямо в кабинете наркома.

На следующую ночь ко мне явились соответствующие лица делать обыск. Потребовали (*усмехается*) у меня оружие. А мне было 17 лет. Сделали обыск. Ничего, конечно, не нашли, однако эти две комнаты опечатали, а в третьей жила воспитанница моей тети. Она сказала, что к нам никакого отношения не имеет и вообще тут ни при чем. Ее не тронули, и эту комнату ей оставили. А для меня остались ванная, там я спала, и кухня, где я занималась.

В институте запретили со мной разговаривать, пытались исключить из комсомола. Было уже постановление бюро – исключить. На факультете я была самая младшая, а все

парни вернулись из армии и были уже, по сути, взрослыми. Они начали топтать ногами и кричать, и меня не исключили. Общее собрание отменило постановление бюро. Но тем не менее, сами понимаете, мне было очень "весело".

Спустя месяц – было 17 июня, я это очень хорошо запомнила – приехала машина, на ней какой-то майор НКВД с рабочими. Распечатали комнаты, загрузили все мои вещи, и он мне говорит:

- Куда Вас везти?
- Некуда.
- Как некуда? У Вас какие-то родственники есть в Москве?
- Нет никого, потому что я с Украины.
- А знакомые?
- Знакомым запретили со мной разговаривать!

Он уехал, я сижу на кухне. Часа через два приезжает:

- Ну, пойдете!
- Сели мы в "эмку" и едем.
- А почему Вы не спросите, куда я Вас везу?
- Мне все равно. Мне некуда!..

Привез. Успенский переулок (есть такой недалеко от Ленкома), 4-комнатная квартира, и в одну из комнат меня сгрузили – всю мебель в разобранном виде. Оставил мне документы: "Живите здесь! Вот документы на прописку. Все, как полагается. Если захотите выйти замуж, выходите. Можете мужа прописать, пожалуйста. Но никого из Ваших родственников!"

Я осталась с этой разобранной мебелью. Подходит какой-то молодой человек, который жил в одной из комнат, и говорит:

- Я женат, поэтому, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания!
- Да нужны Вы мне, как рыбке – зонтик!
- Вот придет Борька с работы, пусть он за Вами ухаживает!

Вскоре пришел Борис Викторович, они вдвоем собрали мне мебель, все расставили, и стала я там жить.

Выяснилось, что эта квартира принадлежала Софье Михайловне Авербах, которая была родной сестрой Якова Михайловича Свердлова, а ее дочь была замужем за Ягодой. Ягоду посадили, а Софью Михайловну выслали как тещу.

Борис Викторович: Дом этот до сих пор существует, там сейчас посольство какой-то африканской страны (*Посольство Республики Бенин – прим. авт.*). Успенский переулок, дом 4а. Там церковь Успения, поэтому переулок так называли. Эта церковь до сих пор стоит. Во времена атеизма она не действовала, не знаю, как сейчас (*Действующий храм Успения Пресвятой Богородицы в Путинках – прим. авт.*).

Вера Михайловна: Это небольшой 2-этажный дом, который построили для себя какие-то нэпманы. На первом этаже две квартиры и на втором – две. Шикарные квартиры с двумя входами – черный, через кухню, и официальный, через парадное. Большой роскошный зал с камином. Из него выход на кухню и в коридор, где были двери в туалет, ванную и в мою комнату. В зал выходили еще две комнаты. Одну снимали Борис Викторович с приятелем, а вторую занимала семья, в которой было всего-навсего 12 детей.

Бернгардт: Сколько же их там приходилось на квадратный метр?

Борис Викторович: Формально им дали две комнаты. Проходная также считалась их комнатой, но жить там было невозможно.

Вера Михайловна: Это был 37-й год, а в 41-м мы с ним поженились.

Бернгардт: Можно сказать, Борис Викторович, что НКВД обеспечил Вас невестой?

Вера Михайловна: С доставкой на дом!

Борис Викторович: Я (*улыбается*) сказал, чтобы мне жена была доставлена на дом на автомашине, со всем имуществом. Мне не надо было ухаживать за ней, ничего не надо было

делать. Ну что тут скажешь? Сильно упростил НКВД мою жизнь. Если бы всем жен привозили, да еще с имуществом, как бы хорошо было, правда?!

Вера Михайловна: Мы поженились. Нет, чтобы еще подождать, и ничего бы тогда не было. 24 мая поженились, а 22 июня началась война.

Борис Викторович: Просто, когда Гитлер узнал, что мы поженились, он понял – пора!

Вера Михайловна: На нашей свадьбе мы пили одно шампанское.

Борис Викторович: Да, это было здорово! Всем, кто хотел к нам прийти, я сказал: "На свадьбу никаких подарков не приносите (мы же все были голодранцы), но все должны принести шампанское. Ни водки, ни сухого вина у нас не будет, только шампанское". А еще сказал так: "Шампанское, купленное в разных местах, одно после другого не пьется, будет невкусно. Нужно, чтобы оно было одной партии, одного завоза, одного дня выпуска и так далее. Поэтому собирайте деньги и покупайте все сообща".

Они купили дикое количество шампанского, и мы все его выпили. Это все я придумал, не Вера Михайловна. Она бы никогда не догадалась!

Ох (*смеется*), и влетит мне, чувствую, сегодня вечером за это интервью!

Бернгардт: Чтоб жизнь медом не казалась... Вера Михайловна, получив немецкую фамилию, Вы для окружающих фактически стали немкой – кто там будет разбираться, русская Вы по паспорту или нет. На еврейку Вы не похожи, значит – немка.

Вера Михайловна: Да.

Бернгардт: Практически Вы прочувствовали на себе все то же, что и немцы.

Борис Викторович: Но в паспорте у нее стояло, что она русская.

Вера Михайловна: Все равно от этого легче не было. Один раз только я попользовалась этой фамилией в положительном смысле слова – когда училась в университете на истфаке. Шла мимо консерватории, а навстречу мне профессор Редер, он у нас лекции читал по истории Древней Греции и Рима. Я с ним поздоровалась и говорю (я не сдала ему курсовую работу): "Вы знаете, профессор, я..." Он: "Помню, помню, как же, как же. Ваша фамилия Раушенбах, это значит "журчащий ручей" – краси-и-ивая фамилия. Давайте Вашу зачетку". И (*смеется*) тут же мне зачет поставил.

Борис Викторович: Значит, немец был. Проявил солидарность.

Вера Михайловна: Когда дочь выходила замуж, она не хотела менять фамилию. А Борис Викторович настоял: "Бери фамилию мужа, пусть у тебя будет русская фамилия!"

Борис Викторович: Правильно! Они русские, живут в России.

Вера Михайловна: Моя бы воля, я бы сохранила фамилию Раушенбах.

Борис Викторович: Нет. Потом еще посадят за эту фамилию. Не надо, я уже это все проходил. У нас все возможно в нашей Богоспасаемой Отчизне, поэтому я считаю, что береженого Бог бережет.

Вера Михайловна: А меня не уберет! Я бы была с украинской фамилией – и не имела никаких неприятностей.

Борис Викторович (*улыбаясь*): Да! Имела бы одни радости.

Вера Михайловна (*смеясь*): Только один зачет за нее и получила. А потом? Господи, вернулся – получал мало, я – вообще гроши (сами знаете, как музеи оплачивались), дети маленькие, нянька. В середине комнаты у нас висел абажур, и когда была мелочь, мы ее туда бросали. А в конце месяца мы ее оттуда выуживали, потому что нам на хлеб не хватало, на одной овсянке жили. Причем не на геркулесе (его тогда не было), а на обычной овсянке.

Борис Викторович: Хорошая была каша.

Вера Михайловна: Няньке надо было заплатить, маме он должен был послать, мы всегда ей посылали. Так что мы очень бедно жили.

А когда он только вернулся из трудармии, то в метро, поднимаясь на эскалаторе, сзади приставлял портфель или книжку, потому что брюки у него все были штопаны-перештопаны – других-то не было.

Борис Викторович: Я занимал такую красивую позу (*изображает*), задумчивую. И (*дружный хохот*) – портфель сзади.

Бернгардт: Прекрасный пример тому, что из всякого положения можно найти достойный выход.

Вера Михайловна: Конечно. Мы и не унывали, не жаловались. Наоборот, у нас всегда было весело, и друзья у нас были веселые.

Один Марк Галлай чего стоил, они с Борисом Викторовичем учились вместе в институте. Летчик-испытатель, потом стал писателем. Человек необыкновенно остроумный, веселый. Жалко – умер недавно. Последний твой одногруппник?..

Борис Викторович: Да, последний. Наша студенческая группа кончилась...

В общем, довольно весело прошла жизнь. Я вот, например, вообще себе не представляю, как бы это я жил в деревне. Каждый день пахал, сеял, пахал, сеял... И ничего не происходит – не сажают, не высылают, не награждают, не наказывают. Ничего. Этого у меня не должно было быть. Я все испытал. И вверх и вниз летал очень высоко – ух-ух!

Вера Михайловна: Раз – по шее!

Борис Викторович: Раз – еще куда-нибудь поддадут, и я лечу вверх ногами. Плюхаюсь где-то, а там, оказывается, кисель...

Превратности Судьбы

Вера Михайловна Раушенбах: Нормальную жизнь мы прожили, хорошую, интересную. Трудную? Ну и что, что трудную. Во всяком случае, "новым русским" я не завидую.

Эдуард Бернгардт: Влад Листьев однажды, говоря о "новых русских", усмехнулся и продекламировал: "Златая цепь на дубе том..."

Борис Викторович Раушенбах (смеясь): Замечательно.

Конечно, было много всякого, но мы относились к этому всегда с известным юмором. У нас никогда не было трагического настроения в семье, потому что у меня была твердая уверенность, полученная в результате жизненного опыта, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Какое бы ни было со мной несчастье, всегда считал, что это хорошо, потому что дальше будет здорово, а если бы этого несчастья не было, то в скором времени разыгралась бы самая настоящая трагедия.

Началось это с моего поступления в институт (*Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота – прим. авт.*), туда принимали по анкетным данным. Я бы не поступил – у меня рабочий стаж был маленький. Я всего один год проработал, а надо было 5 лет. Тем не менее удалось с помощью, как сейчас говорят, блата все-таки поступить. Но: "Партия лучше знает, что надо делать!" – такой был тогда лозунг. Я подавал на самолетостроение. Это то, чем я всегда пытался заниматься. Однако комиссия решила, что я должен идти на аэрофотосъемку. Я был зачислен, но не туда, куда хотел.

А потом нам сказали, что мы все должны пройти медкомиссию. Аэрофотосъемка – это же летная специальность. Комиссию я не прошел по глазам. У меня прооперированный левый глаз, и по правилам меня нельзя было пропускать.

Но когда в институте получили сведения о том, что меня надо отчислять, как негодного по здоровью, то начальник факультета решил этого не делать. Почему? Я был отличником, так что мое отчисление сразу понижало средний бал. Шло соревнование между факультетами, и ему это было невыгодно. И он сказал мне: "Плюнь ты на это и ходи на занятия!"

Итак, меня отчислили, а я продолжал ходить. Отчислили на "переговорном", "переписочном" уровне, потому что приказа по институту не было. Его должен был готовить начальник факультета, и он, получив бумагу, что меня надо отчислить, сказал: "Хорошо!" Но не отчислял, и скоро все про это забыли. Действительно, кому это было нужно? Комиссия была собрана на месяц, потом она разошлась, а я продолжал ходить.

Ходил, ходил, но все время страдал, что я на аэрофотосъемке. Правда, я еще тяжелее переживал, когда меня отчисляли. Понимал, что если меня отчислят из института, то все погубило окончательно. Я хотел работать в авиации, а в Ленинграде это был единственный авиационный институт. В общем, настроение было ужасное. Мне как-то случайно удалось "скользнуть на крыло" и выползти – меня не отчислили.

Прошел год, я по-прежнему хотел на самолетостроение. И вот как-то договорился, что я к ним перейду. Но так как на факультетах были разные учебные планы, то меня брали только, если я досдам в зимнюю сессию такие-то дисциплины. Я засел, никогда так не занимался, и досдал все. Подаю заявление с просьбой перевести меня с аэрофотосъемки на самолетостроение. Там меня готовы взять, а эти не отпускают – снижу им средний бал. Я по своей манере хожу от одного начальника к другому, более высокому, пока какой-нибудь дурак не решит вопрос.

Захожу к очередному начальнику, говорю, что хочу то-то и то-то. Он посмотрел на меня – и к секретарю: "Личное дело!" Секретарь кладет ему на стол мое дело. Тот смотрит, его морда становится красной: "Как, не годен к летной службе?! Гнать Вас в шею надо!" Я страшно обрадовался – это было именно то, что я желал. Он тут же подписал мне все бумаги, и я перешел на самолетостроение.

Так что если бы не было несчастья, когда меня забраковали и я переживал, чуть не плакал, я бы не перешел на самолетостроение и страдал всю жизнь. Вот Вам доказательство – несчастье помогло. Мои страдания превратились в радость.

Бернгардт: Вы выстрадали эту радость.

Борис Викторович: Да, страдал и получил право на радость. Именно то, что человек был в жутко страдательном положении, сработало в положительном направлении. Так что я сейчас очень спокойно отношусь к разным неприятностям, зная, что это способ дать мне через некоторое время большую положительную эмоцию.

Вот, например, я страдал, конечно, когда женился на Вере Михайловне, но надеюсь, что еще будет положительная эмоция (*общий хохот*). Еще есть время, дорогая...

Бернгардт: В Москву, как я понял, Вы переехали еще студентом?

Борис Викторович: Я сдал все экзамены экстерном. А в Москву переехал по очень простой причине: я заканчивал авиационный институт, но в Ленинграде нет авиационной промышленности. Там было одно жалкое КБ при каком-то ремонтном заводе, но что можно делать на ремонтном заводе?! И если я хотел работать в авиапромышленности, то надо было переезжать в Москву. Поэтому я уцепился за своего школьного приятеля, который переезжал в Москву, и поехал вместе с ним.

В Москве я попал к Королеву, это целая история. Мне повезло, в некотором смысле. Был ряд случайностей, но жизнь вся состоит из таких случайностей. Когда я ехал в Москву, то не знал, что буду работать с Королевым. Хотя я был формально с ним знаком, мне и в голову не приходило, что я к нему попаду.

Вера Михайловна: К Королеву он попал, потому что оба занимались планерным спортом и там встречались.

Бернгардт: А Королев – это уже была "марка"?

Борис Викторович: Нет, никакой "марки" не было. Тогда это был сомнительный молодой человек, которого посадили в 38-м году. Я поступил к нему летом 37-го и проработал год до его посадки. А потом у него работал после моего возвращения из лагеря. Но это уже другая история.

Бернгардт: Вы сказали, что у Вас были случаи, когда неприятности в конце концов оборачивались удачами, но привели только один такой пример. Не могли бы Вы вспомнить другие подобные случаи?

Борис Викторович: Сейчас я так сразу не вспомню, но у меня это было много раз, и я давно усвоил, что неприятности, как правило, означают что-то хорошее.

Бернгардт: Так что переживать не стоит?

Борис Викторович: Переживать не стоит, потому что тебе крупно повезло, как выяснится через год. Это первое. И второй способ, который у меня имеется, – я для этого держу при себе жену, это одна из причин, по которой я не развелся...

Вера Михайловна: Тебя серьезно спрашивают!

Борис Викторович (*смеясь*): А это серьезный ответ. Потому что, когда что-то может случиться, она это чувствует за сутки. И наоборот, когда я как-то пришел домой совершенно разбитый, понял, что все кончилось и я завтра вешаюсь, она сказала: "Ничего не будет, я бы почувствовала". И точно – ничего не было.

Вера Михайловна: Он примчался с завода с вытаращенными глазами: надо немедленно эвакуироваться!..

Борис Викторович: Эвакуация – это вообще особый случай. А тем более московская паника 16 октября 41-го.

Вера Михайловна: Надо было что-то делать, куда-то уезжать. Я сказала: не надо, мы уедем через неделю.

Бернгардт: А почему паника была именно 16 октября?

Борис Викторович: 15 октября немцы так близко подошли к Москве, что они уже практически были в пригородах, в дачных поселках: Кирсановка и так далее. Если бы они

знали, что никого нет впереди, кроме милиционеров... Не было ни войск, ничего. А они думали, что перед ними войска.

Было дано указание – кто его дал, не знаю: "Всех ценных людей немедленно вывезти из Москвы". Людей, которые могут представлять ценность для государства. И небезызвестный Костиков, который представлял такую ценность по мнению начальства, потом рассказывал, что к нему ночью пришли и сказали: немедленно в машину – и на Красную площадь. Водитель, узнав, что надо ехать куда-то дальше, отказался, потому что семья оставалась в Москве. Тогда ему дали военного водителя, собрали всех где-то в районе Красной площади и оттуда целой колонной двинули в Горький. Это была единственная дорога, еще не перерезанная немецкими войсками. Надо было срочно сматываться, и все начальство в ночь на 16 октября исчезло из Москвы.

Мы встали 16-го, позевывая, и пошли на работу. Приходим – там никого не пускают. Все заводы закрыли, все было закрыто. Это же глупость, провоцирующая панику! Такие вот дураки были у нас в Моссовете. Завод закрыт, по территории курсирует несколько человек для подготовки к взрыву. Ходят военные с нашими специалистами, отмечают всё ценное, чтобы его подорвать, а неценное – оставить. Раз подрывники ходят – понятно, дело идет к оккупации Москвы.

Тогда была карточная система, и вдруг объявляют, что будут выдавать продукты не по карточкам, а по корешкам от этих карточек. Все побежали. То есть власти старались все раздать населению.

Вера Михайловна: Давали по 30 килограмм муки...

Борис Викторович: Конечно, это вызвало паническое настроение. Никто не мог понять, что происходит. Но паниковало, в основном, начальство. А народ, надо сказать, не паниковал, а удивлялся глупости.

По радио передают какую-то музыку. И вдруг: "В 15 часов слушайте специальное сообщение Моссовета..." Народ встрепенулся: сейчас нам что-то скажут. И вот передают (точного содержания не помню, но звучало примерно так): "По поступившим сообщениям, некоторые бани закрылись, а парикмахерские перестали работать. Моссовет считает, что это безобразие, и постановил открыть все парикмахерские". *(Общий хохот.)* Вот Вам и "специальное сообщение"!

Потом мы снова пошли на работу. Готовили завод к эвакуации, складывали вещи – что брать, чего не брать и так далее. Это 17-го. А 16-го было такое, что...

Бернгардт: Так вы собирались бежать?

Борис Викторович: Мы-то? Само собой. Все собирались бежать, и мы тоже складывали рюкзаки с моей половиной.

Бернгардт: А Вера Михайловна сказала, что рано?

Борис Викторович: Говорить-то говорила, а рюкзак складывала.

Вера Михайловна: Конечно, вещи сложили. Я стояла в очереди за этой мукой, а он пришел: "Знаешь, меня могут не сегодня-завтра..." Я и говорю: "Мы по-едем 23-го".

Борис Викторович: Уже 17-го был наведен относительный порядок. Заработали учреждения, стали планомерно эвакуироваться.

А 16-го была просто паника, устроенная начальниками. Это какими же надо быть дураками, чтобы рвануть из Москвы и закрыть все учреждения и предприятия, ничего не объяснив народу! Говорили только: приходите в 3 часа, будет зарплата и отпускные. Но через день-два этот ажиотаж стих.

Не было у немцев сил взять Москву. Они, может быть, и взяли ее, если бы знали, что впереди нет никого. А потом подбросили подкрепления, и Жуков взял все в свои руки. Как раз в это время, числа 18-го, было принято решение назначить Жукова командующим обороной города Москвы.

Бернгардт: А было ли какое-то известие, может быть, слухи о том, что немцев забирают?

Борис Викторович: Немцев высылали из Москвы, только не 16 октября, а еще в сентябре, и делала это милиция.

Я слышал о том, что нас высылают, и взял у себя на работе командировку в ЦАГИ. Для командировки туда нужен допуск, и я получил его, но ни в какой ЦАГИ не поехал. На кой черт мне туда ехать, тем более, что он уже был в Новосибирске?! Но формально командировочное удостоверение у меня было.

Когда меня хотели отправить, повели в милицию и спрашивают: "Вы немец?" Я говорю: "Да, немец. Вот моя справка". Справка о том, что я имею допуск к совершенно секретной работе. Они обалдели. Что делать? Высылать? А может, я очень важный человек, и от меня зависит оборона Москвы? Побежали к начальнику, он сказал: "Отпустите, но зарегистрируйте!" Меня зарегистрировали и отпустили. И немцы, которых в тот момент высылали, смотрели на меня с завистью. Говорят, потом опять пытались меня найти, но я уже был в эвакуации.

Таким образом, я спокойненько дождался до эвакуации. И там сначала было все нормально – до отправки в лагерь.

Бернгардт: А Валентин Эдуардович Раушенбах даже до 44-го года в Москве прожил. Он преподавал в институте иностранных языков.

Борис Викторович: Для меня это загадка. Может, у него было какое-то особое разрешение?

Бернгардт: Есть данные НКВД, что порядка полутора тысяч немцев (включая членов семей) остались в Москве.

Борис Викторович: Я вполне допускаю это. Меня ведь тоже из Москвы не высылали и никаких акций национального плана со мной не производили, за исключением того, что забирали в милицию и снимали анкетные данные.

Бернгардт: А Ваша мать?

Борис Викторович: Матери повезло в том смысле, что она была с дочерью. А дочь – геолог, и ее отправили на Алтай.

Вера Михайловна: Его сестра была замужем за Андреем Миклухо-Маклаем, он был на фронте разведчиком. Это один из потомков Николая Николаевича Миклухо-Маклая. А Кара оставалась в Ленинграде с мамой и маленьким сынишкой, который родился в 40-м году. Началась блокада Ленинграда, и им там пришлось очень плохо. Мужу дали два дня отпуска, и он пробрался в блокадный Ленинград.

Борис Викторович: Это уже было весной 42-го, а тяжелую зиму мать провела там, в Ленинграде.

Вера Михайловна: Андрею удалось через Ладожское озеро отправить жену с сыном и матерью на Алтай, но не как немцев, а как семью геолога.

Борис Викторович: Да, сестра не была репрессирована.

Бернгардт: Это естественно, поскольку ее муж был русский (*Тем не менее Карин Викторовна Раушенбах была выслана в Сибирь именно как немка. Читайте ее воспоминания во второй части книги. – прим. автора.*)

Вера Михайловна: Другое дело, когда они вернулись. Маму долго не прописывали, квартиру отобрали, все было занято, некуда деваться. В это время вернулся с фронта Андрей. Хлопотать было трудно, потому что везде большие очереди, все возвращались в Ленинград. Всё разбомбили. Квартиру им все же дали, но было туго.

Бернгардт: Мать, наверное, так нелегально там и жила?

Вера Михайловна: Она долго нелегально жила.

Борис Викторович: Андрей пытался представить ее эстонкой, ведь она родом из Эстляндии. Затребовали документы в подлиннике, а там имя было написано на эстонский манер, и получалось, что она эстонка. Мол, ее по глупости записали немкой, а вот вам подлинные документы. В общем, это было очень тяжело.

Потом от нее в конце концов отстали – старуха, что с нее взять? Занималась огородом – деятельная была, старалась помочь по хозяйству...